

© 2009 г. Н.В. ПЕРЦОВ

О ТОЧНОСТИ В ФИЛОЛОГИИ*

Работа написана в связи со статьями М.И. Шапира и А.В. Гладкого, посвященными возможностям применения точных методов в гуманитарных науках; обе статьи были опубликованы в «Вопросах языкознания» – первая в 2005 г., вторая, резко полемичная по отношению к первой, в 2007-м. Анализируется понятие «точность» в применении к наукам гуманитарной сферы. На ряде примеров демонстрируются сложности по-настоящему точных, строгих, формальных построений в лингвистике в частности и в филологии вообще. Обсуждаются основные методологические тезисы, изложенные в статье Шапира, в связи с реакцией на них Гладкого; в большинстве случаев автор настоящей работы солидарен с Шапиром, хотя по некоторым пунктам с ним принципиально расходится. Делается вывод о плодотворности сдержанной оценки М.И. Шапиром перспектив математики в области построения общей теории в гуманитарных областях и сомнительности «естественно-научного» оптимизма А.В. Гладкого по этому поводу.

Импульсом к написанию настоящей работы послужила статья А.В. Гладкого [Гладкий 2007], резко полемичная по отношению к статье М.И. Шапира [Шапир 2005]¹. Обе статьи, опубликованные в «Вопросах языкознания», посвящены возможностям и границам точных методов в гуманитарных науках. В статье Шапира высказывается тезис об ограниченности таких методов и о невозможности построения общей «математизированной теории текста как такового» [Шапир: 59/895], в обоснование чего кладется утверждение о принципиальном различии законов в гуманитарной и естественной областях; в статье же Гладкого отрицается существенное различие «законов природы и законов, действующих в гуманитарной сфере» [Гладкий 2007: 35], вследствие чего автор призывает лингвистов более активно использовать математику в их исследованиях, «поискать в богатейшем арсенале математики» новые средства, отличные от аппарата математической логики» [Там же: 37]. Автор настоящей работы намерен высказать свою точку зрения на поднятые в упомянутых статьях проблемы и отметить пункты согласия и несогласия с авторами этих статей. Сразу скажу, что трезвый пафос М.И. Шапира мне гораздо ближе, чем безоглядный естественно-научный оптимизм А.В. Гладкого. В непосредственно следующих разделах я рассматриваю точность как фундаментальный принцип всякой науки, будь то гуманитарной или естественной, и пытаюсь продемонстрировать – в основном на примерах, взятых из лингвистики, – те колоссальные сложности, которые встают в гуманитарной сфере при проведении этого принципа – в гораздо большей степени, чем в сфере естественно-научной; в завершающих статью разделах достаточно подробно обсуждаются позиции обоих упомянутых ученых.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07-06-00082-а, «Разработка баз данных по неологии Хлебникова») и РГНФ (проект № 08-04-12127в, «Создание информационной системы “Корпус русской поэзии”»).

Статья Шапира с рядом локальных изменений (порой весьма заметных) была перепечатана в качестве послесловия к сборнику трудов Б.И. Ярхо [2006], подготовленному М.И. Шапиром совместно с М.В. Акимовой и И.А. Пильщиковым. Ниже цитаты из Шапира, совпадающие в обеих публикациях [Шапир 2005] и [Шапир 2006], даются в виде [Шапир: *m/n*], где *m* относится к страницам в первой публикации, а *n* – к страницам во второй.

Одно предварительное замечание. В настоящей работе я позволю себе понятие «филология» трактовать весьма широко: под нее ниже подводится как обширная область гуманитарного знания, охватывающая многоаспектное изучение текстов на естественном языке, так и лингвистика – изучение естественного языка как такового. Это сделает изложение несколько более компактным: при обозначении указанной области знания не нужно будет всякий раз прибегать к сочинительному словосочетанию «филология и/или лингвистика».

1. ТОЧНОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Прилагательное *точный* и его субстантивный дериват *точность* неоднозначны. В толковых словарях выделяются следующие значения слова *точный*: 1) полностью соответствующий действительности; подлинный, правильный (*точный вес, точное время*); 1а) связанный с измерениями, вычислениями; основанный на математических расчетах (*точные методы, точные приемы исследования*); 1б) показывающий что-л. в полном соответствии с действительностью (*точные весы, точные часы*); 2) полностью соответствующий какому-л. образцу или чему-л. заданному, установленному, требуемому (*точная копия, точное исполнение приказа*); 3) конкретный и определенный, предельно полный и верный, не приблизительный, не общий (*точное место, точный адрес, точные инструкции*); 4) аккуратный, пунктуальный (*точный исполнитель, точный до мелочей*). Как видно, во всех перечисленных значениях присутствует идея соответствия чему-либо – действительности вообще, некоему образцу или некоторому требованию; очевидно, что слово *точность* «наследует» все приведенные значения прилагательного.

Если задаться вопросом, в каком смысле понятие «точность» применимо к научному знанию, следует, по-видимому, признать, что идеалом последнего является точность во всех перечисленных значениях. Из них наиболее актуальны для науки значения пункта 1, относящиеся к максимально близкому соответствию научного описания той сфере действительности, которая составляет его объект; второй по приоритету представляется пункт 3, относящийся к способу представления научного знания, который должен быть ясен, однозначен, конкретен и четок. Можно сказать, что именно точность в указанных смыслах отличает науку от других сфер человеческого знания (скажем, от искусства или религии): научное знание нацелено на точность онтологически, по своей природе, хотя реально идеал точности и в науке соблюдается не всегда². Установку на точность филология разделяет со всеми гуманитарными и естественными науками.

2. О ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ ОБЛАСТЕЙ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ³

Для прояснения проявления точности в науках гуманитарных и естественных уместно очертить предмет тех и других. Говорят, что гуманитарные науки есть науки

² Онтологическим принципам науки и научного поведения посвящена глубокая общеметодологическая статья Шапира, в которой говорится о прямой связи «специфики науки» с ее языком [Шапир 2001: 257] и указываются следующие «нормы научного языкового поведения», или «требования к языку науки»: «Научные высказывания должны отличаться четкостью, ясностью, логической непротиворечивостью и поддаваться проверке, то есть быть в принципе доказуемыми либо опровержимыми: претендовать на научность может только такое знание, которое способно оказаться как истинным, так и ложным, – “вечные истины” к науке не имеют никакого отношения <...>» [Там же: 259].

³ Настоящий раздел расширен и переработан с учетом серьезных критических замечаний в отзыве рецензента редакции журнала «Вопросы языкознания», относящихся к общей проблеме онтологии гуманитарного и естественного знания; здесь я отвечаю на эти критические замечания, используя при этом фрагменты из отзыва. Пользуюсь случаем принести упомянутому рецензенту свою благодарность за критику.

о человеке, а естественные – о природе; такая общая формулировка очевидным образом недостаточна. В гуманитарную область не входят, скажем, анатомия и физиология человеческого организма, которые представляется возможным назвать науками о человеке⁴. Гуманитарная научная область имеет своим предметом духовный внутренний мир человека, его интеллект, психику (то, что в философии квалифицируется как идеальное – в противопоставлении материальному), а также продукты этого внутреннего мира с точки зрения их отражения в нем. В материальных продуктах человеческого внутреннего мира (текстах, произведениях искусства, сооружениях, машинах и др.) гуманитарные науки интересуют именно их связь с внутренним миром человека и духовной культурой общества, а не их природные свойства (размер, вес и проч.), которые находятся в ведении естественных наук. Тем самым ясно, что один и тот же объект может быть предметом и гуманитарной и естественной науки.

Таков, например, естественный язык. С одной стороны, язык закодирован в сознании человека, предназначен для передачи смысла, представляющего собой идеальный феномен; языковые единицы в большинстве своем неоднозначны; носитель языка интерпретирует их конкретные употребления в нужном смысле (или смыслах), опираясь на соответствующий контекст, причем такая интерпретация носит отнюдь не механистический, строго детерминированный характер; человек может становиться подлинным «хозяином» языка в случаях его употребления в поэтической функции, модифицируя узуальные значения языковых единиц, сознательно нарушая некоторые грамматические правила или сочетаемостные ограничения (т.е. человек одновременно и подчиняется языку, и владеет им). С другой стороны, как сказано в отзыве о настоящей работе, упомянутом в сноске 3, язык «является естественным материальным объектом», обладающим «материальной акустической формой»; добавлю, что язык проявляется в речи, устной и письменной, а речь – явление материальное – обладает определенными «естественными» характеристиками, онтологически близкими характеристикам чисто природных явлений. Относительно свойств первого рода язык есть явление гуманитарное, относительно свойств второго рода – явление естественное. К какой же тогда области знания – гуманитарной или естественной – следует относить науку о языке – лингвистику? Я полагаю, что здесь разумно исходить из наличия/отсутствия в объекте науки существенного «гуманитарного компонента», т.е. компонента, связанного с сознанием, с внутренним миром человека: к гуманитарной области можно отнести науки, объект которых содержит такой компонент, к естественной области – науки, в объекте которых такой компонент отсутствует. Если с этим согласиться, лингвистику следует без колебаний отнести к гуманитарным дисциплинам, равно как социологию, философию, историю, литературоведение (включая историю национальных литератур), юриспруденцию, экономику и прочие дисциплины, в которых имеется существенный гуманитарный компонент (при том что гуманитарное в них может совмещаться с естественным). Что касается математики, ее роль в научном знании совершенно особая: она выступает относительно всех других дисциплин в роли метанауки.

Возникает вопрос о специфике предметов гуманитарной и естественной области. Специфику той и другой определяет само онтологическое противопоставление идеального и материального. Существуют философские и логические законы, общие для обеих областей человеческого знания. Однако мне представляется несомненным, что

⁴ Здесь уместно сослаться на указание М.И. Шапиром недоразумения, связанного с внутренней формой термина «гуманитарные науки»: «<...> если ей <этой внутренней форме. – Н.П.> следовать буквально, к гуманитарным придется отнести все науки о человеке. Это явный абсурд: при таком подходе гуманитарный статус получит изучение костно-мышечной системы человека или, скажем, его физиологических отправления. Ученых-гуманитариев интересует в человеке не природное, а культурное, не естественное, а искусственное <...>» [Шапир: 45/877] – и непосредственно далее Шапир высказывает утверждение, обозначенное в разделе 9 ниже как тезис (ТЗ).

объекты внутреннего мира человека обладают такой спецификой, которая кардинально отличает их от объектов материального мира. Это я и постараюсь показать на примерах, взятых из филологической сферы.

3. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЧУТЬЯ

Объекты, выделяемые при исследовании естественного языка, различаются с точки зрения их наблюдаемости: одни даны нам в непосредственном чувственном восприятии (посредством слуха для устного языка и зрения для письменного), другие – более опосредованно, причем степень такой непосредственности / опосредованности представляет собой шкалу, а не двоичный признак. В дальнейшем примеры будут браться из письменной манифестации языка. В этой последней нам непосредственно даны, скажем, буквы (аналоги звуков и фонем), знаки препинания (аналоги пауз, интонаций), отрезки текста между пробелами и эквивалентными им разделителями, в большинстве случаев представляющие собой словоформы языка. Уже менее непосредственно даны нам морфы (значащие элементы словоформ) и синтагмы: для их идентификации требуется определенная аналитическая работа. Еще менее непосредственно даны нам смыслы языковых выражений, не имеющие в самом тексте никаких эксплицитных аналогов (следует различать языковое выражение и его смысл, показатель некоторого значения и само это значение).

Для задания языковых единиц в лингвистике используются определенные конструкции, записываемые с помощью определенных обозначений (последние могут образовывать систему, а могут употребляться вне таковой). Степень соотносимости таких обозначений с реальными языковыми объектами зависит от наблюдаемости этих последних. Скажем, для букв, морфов и словоформ такая соотносимость максимальна – можно непосредственно указать на букву, морф или словоформу в тексте; для смыслов же о соотносимости с конкретными языковыми объектами говорить затруднительно, поскольку сами смыслы нам в тексте непосредственно не даны – они суть объекты нашего сознания. (Собственно, с помощью языка передается не сама действительность, а ее отражение в нашем сознании.)

В этом и состоит специфика единиц плана содержания в естественном языке. На концептуальной шкале «определенность – неопределенность» смыслы находятся на крайнем полюсе неопределенности – в сопоставлении с другими лингвистическими объектами. Это проявляется в том, что по поводу смыслов одних и тех же языковых выражений или смыслового соотношения разных противопоставляемых выражений разные носители языка (и разные лингвисты, что еще более парадоксально) высказывают подчас существенно разные, порой полярно противоположные, суждения.

Языковое чутье человека нестабильно, у разных людей оно разное; даже у одного и того же человека в разные периоды жизни относительно сходных феноменов могут быть различные суждения. По поводу приемлемости / неприемлемости одних и тех же выражений, их синонимичности / несинонимичности или смысловой близости высказываются подчас взаимно противоречивые суждения. Речь идет, разумеется, не об очевидных случаях, когда колебаний и расхождения мнений у носителей языка нет, но такие случаи для исследования обычно не интересны. Здесь имеются в виду случаи колебаний и неуверенных суждений.

Примеры подобных колебаний и неточных суждений о семантике родного языка встречаются в изобилии в лингвистической литературе; многочисленные примеры такого рода можно найти в моих работах [Перцов 2006а; 2006б], где соотносятся суждения лингвистов о фактах русского языка и данные об этих фактах, взятые из сайта Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Я воспроизведу несколько таких соотношений, взятых из второй работы (и отсутствующих в первой), а также приведу новый материал.

В книге [ЯКМСЛ: 426] считается неприемлемым (дается под звездочкой) выражение *унижать свое достоинство*; в НКРЯ обнаружилось 7 примеров фраз с этим вы-

ражением: <...> причина, заставляющая женщин унижать свое достоинство, кроется в социальной неустроенности общества (Столица, 1997.05.27). В той же книге отвергаются как неприемлемые выражения совсем <совершенно> неразумный <неблагоразумный> [ЯКМСЛ: 502]; поиск по НКРЯ дал 5 фраз с такими выражениями: *Через много лет вы поймете, что это была совсем неразумная идея* <...> (А. Солженицын); *Экономически идея использования трех или четырех моторов за уик-энд совершенно неразумна* (Формула, 2002.06.15).

В статье [Труб 2006: 71] в следующих парах выражений первое – слева от тильды – отвергается, а второе считается приемлемым: *длинные глаза ~ продолговатые глаза, длинное лицо ~ продолговатое лицо, толстая грудь ~ пышная грудь, маленькие зубы ~ мелкие зубы, тонкие колени ~ острые колени*; в НКРЯ же все первые члены этих пар представлены реальными фразами, причем в случае первых двух пар первые члены представлены бóльшим количеством контекстов, нежели вторые: *Глеб вздрогнул: его длинные глаза какое-то время словно проверяли что-то во мне, ранее подвергавшееся сомнению* (Е. Маркова); *У нее длинное лицо с хорошо выраженным подбородком* <...> (Н. Крышук); *Прораб погладил себя по толстой груди с просаленными орденовскими ленточками* <...> (В. Гроссман); *Вон у тебя какие клыки, а у меня маленькие зубы* (К. Сергиенко); <...> *тонкими коленями обхватила бочонок с натянутой на него пергаментно сухой кожей* <...> (Д. Рубина).

В [Апресян 2001: 16] об употреблении союза *когда* в условном значении говорится, что «предложения с условным *когда* требуют постановки сказуемого и в главном, и в придаточном предложении в форму прошедшего времени» – со ссылкой на Академическую грамматику 1960 г., из чего делается вывод о том, что допускаемая некоторыми филологами (в том числе автором этих строк) возможность трактовать в условном смысле союз *когда* в начале «Евгения Онегина» – «Когда не вшутку занемогъ» (цитирую по последнему прижизненному изданию «Онегина») – неправомерна. Надо сказать, в современном языке союз *когда* в условном значении без сопровождающей частицы *бы* в стилистически неотмеченных контекстах практически не употребляется, поэтому опираться на наше языковое чутье относительно условного значения этого союза и на данные из Академической грамматики следует с предельной осторожностью. Для меня семантическая подоснова указанного ограничения непонятна: ведь вполне допустимо употребление *если* в контексте прошедшего времени (*Если он пришел поздно, они не выполнили нашего задания*). И на самом деле это ограничение не соблюдается в «Птичке» Пушкина: «<...> За что на Бога мне роптать, / Когда хоть одному творенью / Я мог свободу даровать!» (причем в «Словаре языка Пушкина» в перечне употреблений *когда*, завершающем данную словарную статью, этот пример как раз и значится под «условным» значением [СЯП: 343]).

«Хрупкость» языкового чутья человека можно демонстрировать на многочисленных примерах неточных суждений лингвистов относительно семантики языковых выражений. В статье [Добровольский 2007: 47] глаголами с «агентивно-переходной семантикой» считаются такие, которые интерпретируются «как обозначающие действия, каузируемые активной сущностью⁵ (необязательно Агенсом в точном смысле) и направленные на объект (как правило, Пациенс или Тему)». Далес затрудненность образования пассива для идиом *намылить голову* (кому-л.) и *накрутить хвост* (кому-л.) объясняется тем, что «соответствующие идиомы, взятые в их буквальном значении, не могут быть естественным образом прочитаны как словосочетания с агентивно-переходной семантикой» [Там же: 48]. Здесь не вполне ясно, как определяется агентивная переходность словосочетаний (ведь выше говорилось об агентивной переходности глагольных лексем, а не словосочетаний), но можно домыслить, что глагол в таком словосочетании должен быть агентивно-переходным и что обозначаемое им

⁵ В подлиннике опечатка: «<...> обозначающие действия, каузируемого активной сущностью».

действие должно быть направлено на его прямое дополнение. Но это же как раз и выполняется для обоих указанных словосочетаний, понимаемых буквально, а не как идиомы!

Выразительным примером расхождения оценок приемлемости / неприемлемости языковых выражений может служить разнообразие мнений разных информантов относительно фраз с возвратными глагольными формами совершенного вида, интерпретируемыми в пассивном смысле – типа *Тираж книги быстро раскупится публикой* [Перцов 2003]. Верно, что такие глагольные формы в речи (особенно в письменной) малоупотребительны и маргинальны: в большинстве случаев фразы, конструируемые с такими формами (типа **Книга написалась Иваном*), выглядят плохо. Однако в реальных текстах и в звучащей речи такие формы встречаются, и категорично изгонять их из языка (как случается в отечественных грамматиках и исследованиях) неправомерно. Природа маргинальности возвратного перфективного пассива (ВПП) в русском языке не выявлена, выглядит загадочно (ВПП для определенных коммуникативных целей весьма удобен: он компактнее аналитического пассива, подчеркивает акциональность предиката, тогда как аналитический пассив скорее результативен). Для нашей темы существенно то, что относительно реальных фраз с ВПП разброс оценок степени их приемлемости среди информантов весьма велик; на положительную / отрицательную оценку влияют разные факторы: неспрошедшее / прошедшее время глагола, отсутствие / наличие агенса в творительном падеже, наличие / отсутствие обстоятельства при глаголе. Сошлюсь на данные предпринятого мной опроса информантов, приведенные в [Перцов 2003: 45]: 13-ти информантам были предложены фразы: (1) *Мы хотим знать, раскупятся ли имеющиеся печатные экземпляры теми, у кого есть рукописи*; (2) *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составила за какие-нибудь четверть часа*; (3) *Смета составила программой всего лишь за четверть часа*; фразу (1) признали приемлемой 11 респондентов, неприемлемой – 2; для фразы (2) соответствующая пара чисел – 7 и 6, для фразы (3) – 3 и 10. Все это говорит о неустойчивости данного грамматического явления в русском языке, но неустойчивость не означает отсутствия.

Приведенный материал показывает, что языковая интроспекция исследователя как носителя языка не является абсолютно надежным инструментом, и ее необходимо верифицировать посредством обращения к корпусам и к опросу информантов. Здесь мы наблюдаем нечто парадоксальное: исследователь, нацеленный на языковое поведение той или иной языковой единицы, мысленным взором охватывающий ее возможные употребления, нередко оказывается в плену собственного языкового чутья и за деревьями частных употреблений не видит всего леса. Иногда суждения разных информантов по поводу тех или иных фраз расходятся существенным образом. В таких случаях исследователю нужно по возможности отрешаться от собственных языковых представлений и обращаться к речевой реальности, которую в изобилии предоставляет корпус. Опора только на интроспекцию аналогична опоре только на наши органы чувств при установлении числовых данных в случае измерения расстояния, силы звука и т. п. без привлечения аппаратуры, дающей точные данные. Полагаю, что в естественно-научной области столь существенной зависимости утверждений исследователя от его интроспекции нет.

4. НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ ЛИНГВИСТИКИ

В лингвистике второй половины XX века значительные усилия были сосредоточены на уточнении традиционных понятий, т. е. на металингвистической проблематике. Рассмотрим вопрос о том, как соотносятся лингвистические понятия с языковой реальностью.

В разных лингвистических концепциях и сочинениях одни и те же понятия могут пониматься по-разному; в этом отношении лингвистическая теория существенно отличается от теорий естественных наук, в которых степень разнобоя в трактовке ос-

новных понятий значительно меньше. Традиционные грамматические представления, с которыми оперирует лингвистическая теория, допускают «некоторый элемент неопределенности» [Зализняк 1973: 54], чем затрудняется «построение формализованных аналогов этих понятий, т.е. их моделирование» [Там же]. Кроме того, весьма распространены случаи, когда «традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания» [Там же]. Подобное разнообразие пониманий обиходных терминов в лингвистике встречается гораздо чаще, нежели в естественных науках, и так же гораздо более значителен в лингвистике теоретический «зазор» между формализованными аналогами понятий и реальной совокупностью подводимых под них объектов. Подобный «зазор» обычно проявляется тогда, когда строится такой формализованный аналог понятия, который ориентирован на языковой универсум или на достаточно представительную его часть, а не на какой-либо один конкретный язык.

Это хорошо демонстрирует опыт И.А. Мельчука, создавшего в пяти объемных томах наиболее значительную из известных мне в лингвистике формализованных концептуальных систем – в данном случае для понятий общей морфологии⁶. По словам самого Мельчука, он опирался в своем построении четкой формализованной системы понятий на математический трактат Н. Бурбаки; его система построена строго иерархично – от совокупности неопределяемых исходных понятий к более сложным, которые последовательно определяются через исходные или уже определенные ранее. Соблюдены обязательные логические условия построения дедуктивно-аксиоматической системы – в том духе, как такие системы строятся в математике. При всех несомненных выдающихся достоинствах системы Мельчука между трактовкой в ней тех или иных традиционных понятий и их трактовкой в разного рода грамматических описаниях обнаруживаются подчас существенные расхождения. Подобные расхождения, думается, неизбежны для любой строгой аксиоматической системы лингвистических понятий, ориентированной на языковой универсум.

Рассмотрим один частный случай. Центральным в морфологии является понятие словоформы (морфология, собственно, имеет своим предметом словоформы, взятые под грамматическим углом зрения). В определении словоформы по Мельчуку [1997: 176] существенно свойство достаточно высокой степени автономности, которым словоформа должна обладать; критерии автономности определяются у Мельчука до определения словоформы. Так вот, такая единица русского языка, как фамильярно-побудительная частица *-ка* (*Поди-ка ты сюда, побудь-ка ты со мной!* – Пушкин), трактуемая в большинстве словарей и грамматик как слово, с точки зрения критериев автономности Мельчука предстает как аффикс [Перцов 1996а: 377–378]. Должен сказать, что, знакомясь летом 1996 г. в машинописи с моей только что упомянутой статьей о частице *-ка*, И.А. Мельчук сначала согласился с предложенной мной трактовкой этой частицы как аффикса, а затем, по некотором размышлении, ее отверг, сказав, что нужно либо внести коррективы в его определение словоформы (к тому времени уже обнародованное во французском варианте книги), либо заняться поиском некорректностей в моем обосновании неавтономности *-ка*; ни того ни другого Мельчук с тех пор, насколько мне известно, не сделал. В данном случае интуитивные представления самого исследователя, относящиеся к конкретной языковой единице, отличаются от того статуса последней, которым ее наделяет формальное определение, сконструированное самим же исследователем.

Существенные расхождения между формальным аналогом понятия и его трактовкой у разных исследователей в лингвистике весьма обычны. Полагаю, что в области естественных наук такое имеет место значительно реже. Это обусловлено принципи-

⁶ Перевод монографии Мельчука, написанной по-французски, на русский язык выходил в течение десяти лет между 1997 и 2006 годами; для настоящего изложения существен первый том [Мельчук 1997].

альным различием между предметами лингвистики и предметами естественных наук. Первые существенно связаны с (лингвистическим) сознанием человека, порождены им; осмысливая их, человек вынужден прибегать к интроспекции, помимо наблюдения за поведением объектов в речевых последовательностях; вторые внеположны человеческому сознанию и подлежат преимущественно независимому от него наблюдению. При осмыслении первых человек привносит гораздо большую степень субъективности, чем при осмыслении вторых.

Разумеется, из большей субъективности лингвистических понятий вовсе не следует, что их формальные аналоги не нужны. Нет, такие аналоги бывают весьма полезны: сопоставляя данные, вытекающие из формального аналога, с языковой реальностью, со случаями несовпадения первых со второй и с трактовкой понятия в других концепциях, исследователь может достигать более глубокого понимания сути явления. Лингвисту, формализующему традиционное понятие, следует лишь отдавать себе отчет в том общем онтологическом «зазоре» между моделью и реальностью, который для гуманитарных наук гораздо более значителен, чем для естественных. Повторяю: это объясняется кардинальной «гуманитарной» спецификой объектов первых в сопоставлении с объектами вторых.

5. РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ДИСКРЕТНОСТЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬЮ СМЫСЛА

Большинство языковых значимых единиц неоднозначны. Мы наблюдаем, что в разных случаях употребления языковая единица может означать разное, при этом между ее разными значениями мы интуитивным образом нередко усматриваем некую общность. Такова эмпирическая реальность. Чтобы дать научное отображение этой реальности, для неоднозначной языковой единицы постулируется некое множество отдельных подзначений, указываются связи между последними; подзначения объединяются в подмножества, формулируются толкования подзначений, часто ограничиваемые некоторыми особыми соглашениями. Иногда при этом заявляется, что для толкований используется особый метаязык, причем явное строгое задание такого метаязыка (словаря и правил образования), как правило, отсутствует.

План содержания большинства слов естественного языка представляет собой континуум, лингвистика же вынуждена описывать его дискретными средствами, иных у нее нет (в отличие от естественных наук). В составе содержательного континуума лингвистика выделяет для языковой единицы определенные «точки», соответствующие ее отдельным значениям; однако бывают случаи, когда в реальном контексте у единицы реализуется более одного из выделенных значений, или некое «промежуточное» значение, или некое новое значение, не совпадающее ни с одним из выделенных. (Особенно характерно такое нестандартное поведение языковых единиц в поэтическом языке – я разумею не только язык поэзии, но вообще употребление языка в поэтической функции по Якобсону.) Такие случаи не часты, но они есть. Было бы ошибкой просто списывать слабый учет таких феноменов в лингвистических описаниях на дефекты этих последних – дело коренится в самой континуальной природе естественно-языкового смысла, и наши дискретные описания представляют собой не что иное, как весьма несовершенный способ его моделирования.

Соотнося содержание реального употребления слова с содержанием, отраженным в каком-либо научном описании или словаре, мы опираемся на собственное языковое чутье, разное у разных носителей языка. Мы обращаемся к нему и спрашиваем себя, адекватно ли описание значения слова нашему представлению о нем, все ли компоненты значения в описании мы принимаем, нет ли в описании лишних компонентов, т.е. мы соотносим разбиение слова на отдельные значения и эти отдельные значения, данные нам в дискретном описании содержания слова, с недискретным представлением смысла слова в нашем лингвистическом сознании. При этом мы производим определенную аналитическую работу: расчленяем это недискретное представление в со-

знании на области, соответствующие значениям, проверяем себя с помощью текстовой реальности, опрашиваем других носителей языка – однако во всех случаях наша аналитическая работа приводит к дискретному объекту, призванному моделировать недискретное представление о слове, наличествующее в сознании носителя языка, который интуитивно владеет смыслом языковых выражений и непринужденно их употребляет.

Мне представляется, что указанная глубина расхождения между характером инструментов описания и неопределенностью, «идеальностью» объекта описания, свойственная лингвистической семантике (и филологии в широком смысле, а стало быть – вообще гуманитарной области человеческого знания), области естественных наук не свойственна.

6. СКОМНЫЙ УРОВЕНЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЛИНГВИСТИКЕ

В этом разделе речь пойдет о моделировании интеллектуальной деятельности человека, конкретно – о компьютерном моделировании его языковой способности. Опыт такого моделирования уже насчитывает более полувека, однако успехи в этой области весьма скромны. Далее речь пойдет лишь об отечественной компьютерной лингвистике. К настоящему времени можно говорить о достаточно весомых ее достижениях только в области моделирования словоизменения, т.е. в области построения компьютерных процессоров, успешно анализирующих и синтезирующих словоформы и оперирующих только с лексемами и их словоизменительными характеристиками. Продвинутое положение в этой области отечественная компьютерная лингвистика в значительной мере обязана «Грамматическому словарю» А.А. Зализняка [1977]. Более глубокие ярусы языка – словообразование, синтаксис и семантика – моделируются с гораздо меньшим успехом. В этих областях мы не располагаем ничем аналогичным упомянутому словарю. Для словообразования в качестве аналога к словарю Зализняка можно мыслить такой, в котором для каждой входной единицы сообщалась бы информация, позволяющая автоматически построить совокупность словообразовательных дериватов от этой единицы, а в случае словообразовательной неэлементарности единицы – исходную для нее единицу (или единицы в случае сложного слова). Что касается синтаксиса и семантики, для них функциональная нагрузка соответствующих словарей ясна не столь четко.

Отечественная компьютерная лингвистика не располагает пока достаточно интеллектуальными словообразовательными, синтаксическими и семантическими процессорами, анализирующими или синтезирующими естественно-языковые тексты, т.е. такими процессорами, результаты работы которых достаточно хорошо моделировали бы языковую компетенцию человека, приближались бы по своему качеству к продуктам его языковой деятельности. Таково положение дел – несмотря на те значительные интеллектуальные усилия со стороны лингвистов и программистов, которые за прошедшие несколько десятилетий были вложены в область компьютерной лингвистики и автоматической обработки текстов. Парадоксальным образом системы автоматической обработки текстов, пользующиеся весьма скромными лингвистическими средствами и делающие упор на чисто инженерных решениях, нередко достигают гораздо более значительных коммерческих успехов и находят гораздо большее применение у конечных пользователей, чем системы, оснащенные сложным лингвистическим аппаратом.

В этом отношении показательна судьба системы автоматического перевода ЭТАП, начало разработки которой под руководством Ю.Д. Апресяна относится к 1970-м годам в институте «Информэлектро», а продолжение – к осени 1985 г. и последующему времени в Институте проблем передачи информации РАН⁷. Лингвистическое обеспе-

⁷ В течение 10 лет в разработке этой системы участвовал автор этих строк.

чение системы разрабатывалось группой лингвистов, вооруженных достаточно основательной математической подготовкой (в основном это были выпускники отделений вузов, сочетающих лингвистическое и математическое образование); оно отличалось (и отличается) необычайным богатством и изощренностью; оно было основано на теории моделей «Смысл – Текст» И.А. Мельчука и мыслилось как практическая реализация этой теории. Тем не менее, несмотря на сильную группу разработчиков, система ЭТАП не добилась сколько-нибудь крупных успехов в деле моделирования перевода, сопоставимого по качеству с человеческим, и не получила распространения среди конечных пользователей; в коммерческом отношении ее превзошла, скажем, петербургская система многоязычного автоматического перевода ПРОМТ, опирающаяся в основном на чисто инженерные решения, а не на глубокую лингвистику (при том что качество переводов ПРОМТ'а тоже оставляет желать лучшего, т. е. нельзя сказать, что ПРОМТ по-настоящему моделирует переводческую компетенцию человека).

Таким образом, в отношении моделирования исследуемых объектов лингвистика остается далеко позади естественных наук, в которых искусственно воспроизводятся не только процессы неживой природы, но и биологические процессы (достаточно вспомнить об опытах клонирования живых организмов). Тем более это относится к моделированию гуманитарной компетенции человека более глубокого уровня: компьютеры не умеют создавать высококачественные произведения искусства, роботы – ваять выдающиеся скульптуры, и т.п., и вряд ли когда-либо они научатся делать это столь же хорошо, как человек – превосходство человека в этом отношении над создаваемыми им «гуманитарными» конструктами, может быть, большое благо. Результаты моделирования отличаются от моделируемых объектов в гуманитарной области гораздо больше, чем в области естественных наук.

Выше примеры неточности научного описания были ограничены сферой лингвистики (общей или компьютерной). В следующих двух разделах обратимся к другим областям филологии⁸ – стиховедению и текстологии.

7. ТРУДНОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТРА В СТИХОВЕДЕНИИ

Трудности, встающие перед филологией при определении внешне ясного явления текста, ярко проявляются при попытке уточнения такого понятия поэтики, как ямб. М.И. Шапир, опираясь на определение 4-стопного ямба, предложенное в начале 1960-х гг. А.Н. Колмогоровым, и давая равнозначную этому определению формулировку – «<...> строка называется ямбической, если ударения неодносложных фонетических слов в ней падают на четные слоги» [Шапир: 48/881], – далее демонстрирует ее неадекватность, приводя, во-первых, примеры поэтических строк, удовлетворяющих данной формулировке, но реально взятых из 3-стопных амфибрахий Пастернака (*Уюта и авторитета; Воспользовавшись темнотой; Озябнувшие москвичи* и др.), и, во-вторых, примеры таких строк с переакцентуацией, которые хотя и не удовлетворяют данной формулировке, но, окруженные ямбическими строками, на их фоне воспринимаются тоже как таковые: *Исполни сердце твоим жаром* (Радищев); *Почто, почто в битве кровавой, / Летая гордо на коне, / Не встретил смерти под Полтавой?* (Рылеев); *Дымно-легко, мглисто-лилейно* (Тютчев); *Плещется море мерно, глухо* (Г. Иванов); *За ужином сидят, – похороны, не ужин!* (Цветаева). В связи с указанными трудностями Шапир отказывается от попыток дать ямбу «по-настоящему строгое и универсальное» определение [Шапир: 52/885] и полагает, что любые попытки

⁸ Напоминаю, что в рамках этой работы я позволяю себе филологию трактовать как всю область гуманитарного знания, изучающую выражение смыслов на естественном языке.

такого рода не могут быть успешными. Мне представляется, что в данном случае не следует быть столь категоричным.

Исправить недостатки приведенной Шапиром формулировки относительно строк, укладываемых и в ямб, и в амфибрахий, можно довольно легко – для этого входную часть дефиниции – «Строка называется ямбической» – можно заменить на другую: «Строка укладывается в ямб». Так же можно поступить в случае определения любого метра, и тогда относительно конкретного отрезка текста, даже взятого вне контекста, мы можем делать осторожное утверждение о его метрической стиховой характеристике, каковой могут обладать и отрезки прозы. Например, относительно знаменитого Пушкинского афоризма из «Путешествия в Арзрум» *Мы ленивы и нелюбопытны* можно сказать, что он укладывается в 5-стопный хорей, с одной стороны, и в 3-стопный анапест, с другой (это одно из свойств, объясняющих необычайную притягательность и поэтическое обаяние этого афоризма) – при том что эта фраза входит в состав прозы и является прозой.

Сложнее обстоит дело с переакцентуированными строками (далее сокращенно буду именовать их п-строками, а нарушающие ритм метра фонетические слова – п-словами). Дело в том, что здесь нет единства мнений относительно их метрической характеристики: одни исследователи (как М.И. Шапир, к которому я присоединяюсь) многие такие строки считают представителями того же метра, что и стихотворное окружение, а другие считают их отклоняющимися от этого метра; тем самым для сторонников второй точки зрения 8 п-строк в оде Радищева «Вольность» (их там около 2%), приведенные в статье Шапира, не являются 4-стопно-ямбическими, как другие строки в этой оде [Шапир: 50/883]⁹. Сторонники второй точки зрения говорят просто: среди стереотипных строк некоторого метра могут встречаться отклонения от него, не подрывающие общего строгого определения этого метра. По-видимому, именно это имеет в виду А.В. Гладкий, когда, сказав о том, что «продемонстрировать выполнение закона “в чистом виде” чаще всего невозможно» и сочувственно процитировав Иннокентия Анненского, упрекавшего учебники его времени за неспособность выбрать «из путаницы ямбов и хореев», он заявляет: «Нечто подобное, несмотря на то, что за сто лет в русском стиховедении было сделано очень много, мы видим и в статье М.И. Шапира с тем различием, что он приводит в подтверждение результаты подсчетов. Но подсчеты <...> не имеют смысла, если не определено точно, что нужно считать» [Гладкий 2007: 35–36].

Отступление. Следует сказать с полной определенностью о явной несправедливости этого жесткого упрека. Во-первых, в отношении ямба числовые данные, приводимые Шапиром, касаются ровно трех произведений – оды «Вольность» Радищева, раннего стихотворения Георгия Иванова и пьесы Цветаевой «Приключение» [Шапир: 50–51/883–884, 898 примеч. 21], и во всех трех случаях подсчитываемые объекты определены абсолютно точно – это п-строки среди строк ямба (4- или 5-стопного). Во-вторых, как ясно из предшествующего изложения в настоящем разделе, анализируя определение 4-стопного ямба, Шапир отнюдь не ограничивается приведением подсчетов, а в высшей степени содержательно демонстрирует случаи таких строк в ямбическом окружении, которые не укладываются в строгое определение ямба, но при этом не воспринимаются как диссонанс; затем Шапир излагает свое понимание ямба [Шапир: 51–52/885], не претендуя при этом на математическую строгость. Так что никакой «путаницы» в научных построениях Шапира нет: они предельно ясны и четки.

Займемся все же строками с переакцентуацией, нарушающими «закон» 4-стопного ямба – как следует их трактовать? Вывести их из разряда ямбических нетрудно, однако это не решит проблемы их соотношения с ямбическим окружением и квалифика-

⁹ Надо сказать, подобный разноречивый набор оценок и характеристик по поводу ясно наблюдаемых объектов весьма характерен вообще для филологии; в естественно-научных областях такое имеет место значительно реже.

ции восприятия таких «дефектных» строк на фоне этого окружения. Дело в том, что строки, нарушающие стереотип ямба, по-разному воспринимаются с точки зрения степени отклонения от этого стереотипа (по крайней мере, так неодинаково воспринимает их – вслед за Шапиром – автор этих строк). Одни не создают впечатления резкого отклонения, сохраняют некое метрическое единство с их окружением – как приведенные выше примеры п-строк; такие строки воспринимаются как достаточно близкие к нормальному ямбу, и их можно назвать в рабочем порядке «квазиямбическими». Другие же строки в нашем восприятии отклоняются от окружения самым кардинальным образом. Два примера явления этого последнего рода даются в статье Шапира – это строки 4-я и 17-я из «Silentium!» Тютчева – *Встают и заходят оне и Дневные разгонят лучи*: они «могут осмысляться как 3-стопный амфибрахий, а все стихотворение – как переходная форма от 4-стопного ямба к микрополиметрии <...>» [Шапир: 49 примеч. 18/897 примеч. 18].

Можно ли формально эксплицировать неодинаковый «психопоэтический» статус строк, нарушающих ямбический стереотип, т.е. строго выделить среди последних квазиямбические, а для произвольного метра вообще – среди «нестереотипных» строк «квазиметрические»? Дело осложняется тем, что, подобно случаям неопределенности, неуверенности, колебаний суждений о языковых выражениях, рассмотренным в разделе 3, мы сталкиваемся здесь с аналогичным феноменом: квалификация той или иной строки в некотором метрическом окружении как квазиметрической или чужеродной данному метру может быть разной у разных информантов – или же информант может испытывать неуверенность в своем восприятии данной строки при ее квалификации. В данном случае мы вступаем в область психологии восприятия стиха, очень мало разработанной в стиховедении, которую можно было бы – по аналогии с психолингвистикой – назвать «психопоэтикой»¹⁰. Ввиду слабой разработанности «психопоэтики» высказывать сколько-нибудь уверенные суждения в этой области было бы рискованно; нужно проверять такие суждения с помощью опроса информантов, возможно, с помощью неких специально разработанных «психопоэтических» экспериментов. Можно лишь высказывать гипотезы.

Рискну предложить эскиз для формальной экспликации пяти силлабо-тонических метров¹¹. Для них стереотип можно попытаться задать – в духе формулировки Шапира для ямба [Шапир: 48/881] – с помощью следующих двух рабочих дефиниций – одна для двух 2-сложных метров, вторая для трех 3-сложных:

- отрезок текста (или отдельный короткий текст) укладывается в хорей / в ямб, если ударения односложных фонетических слов в нем падают на нечетные / четные слоги, соответственно (при этом, если этот отрезок состоит только из односложных фонетических слов, число слогов в нем нечетно / четно, соответственно);
- отрезок текста (или отдельный короткий текст) укладывается в дактиль / в амфибрахий / в анапест, если для любого односложного фонетического слова в его составе (а) ударение в нем падает на слог с номером вида $3n + 1/3n + 2/3m$, $n \geq 0$, $m \geq 1$, соответственно, или (б) никакой его неударный слог не приходится на слог с номером указанного вида (при этом, если все фонетические слова в таком отрезке, кроме, возможно, последнего, являются односложными или двусложными, то номер последнего ударного слога в нем имеет для соответствующего метра указанный выше вид).

¹⁰ Возможно, иные стиховеды сочтут, что это вообще выходит за пределы стиховедения как такового.

¹¹ При этом для трехсложных размеров я опираюсь на общую формулировку «ритма русской силлаботоники», предложенную М.Л. Гаспаровым [1984: 176].

Необходимо прокомментировать дополнительные условия в этих определениях, данные в круглых скобках. Эти условия, носящие чисто технический характер, предусматривают случаи редких, но теоретически допустимых речевых отрезков с короткими ударными фонетическими словами: для таких отрезков технические условия запрещают интуитивно неадекватное (по крайней мере для автора этих строк) «укладывание» в два метра одной и той же «слоговости». Так, без такого условия в первой формулировке все последовательности односложных ударных фонетических слов – например *Внук спал, сын пил, брат ел, дед шил* – укладывались бы и в хорей и в ямб, тогда как в случае приведенного отрезка – с четным последним ударным слогом, дающим полноценную ямбическую стопу, – естественно причислить его к 4-стопному ямбу. Если присоединить к нему ударный моносиллаб – например *Внук спал, сын пил, брат ел, дед шил там* – с четным последним ударным слогом, дающим усеченную хореическую стопу, полученный отрезок уложится в пятистопный хорей (правда, весьма громоздкий и неуклюжий). Что касается трехсложных размеров, отрезки с короткими ударными фонетическими словами, удовлетворяющие одновременно для двух таких метров условиям (а) и (б), еще более редки, однако не исключены. Например, такова фраза *Внук плакал, сын прыгал, дед резал*: будучи на слух 3-стопно-амфибрахической, она удовлетворяет условиям (а) и (б) еще и для дактиля, и ее можно превратить в дактиль (хотя и несколько вымученный), «нарастив» стопу с ударным первым слогом: *Внук плакал, сын прыгал, дед резал тщательно <быстро>*. Дополнительное же условие во второй формулировке безоговорочно относит первую фразу к амфибрахии, а вторую – к дактилю.

В силу предложенных формулировок строка может укладываться в 2-сложный и в 3-сложный размер одновременно; скажем, стих *И кланялся непринужденно* укладывается и в 4-стопный ямб, и в 3-стопный амфибрахий, а прозаический фрагмент *Мы ленивы и нелюбопытны* – и в 5-стопный хорей, и в 3-стопный анапест, как уже было указано. Строка не может укладываться одновременно в два метра одной и той же «слоговости» (что ясно из данного выше комментария к дополнительным условиям): ямб и хорей, с одной стороны, и дактиль, амфибрахий и анапест, с другой, взаимно исключают друг друга. Для любой же из шести пар «2-сложный метр, 3-сложный метр» можно подобрать текстовые фрагменты, укладывающиеся в каждый из компонентов пары¹².

Эти дефиниции, задавая для каждого метра его стереотип, исключают из соответствующего метра п-строки. Для 2-сложных размеров примеры п-строк были приведены выше – из статьи Шапира; п-строки для 3-сложного размера дает вторая «Молитва», Лермонтова, в которой из 16-ти строк 4 являются п-строками¹³: «**Пред твоим** образом, ярким сиянием»; «**За душу** странника в свете безродного»; «**Но я** вручить хочу деву невинную»; «**Окружи** счастьем душу достойную». Всматриваясь и вслушиваясь в свой «поэтический идиолект», все п-строки для 4-стопного ямба, приведенные в статье Шапира, и все п-строки из «Молитвы» для 4-стопного дактиля я отношу к квазиметрическим: для меня они резко не отклоняются от их метрического окружения; при этом я отдаю себе отчет в том, что кто-то другой может воспринимать п-строки по-другому.

Теперь можно попробовать частично объяснить различие в восприятии п-строк: те из них, которые укладываются в какой-либо другой метр, отличный от метра окружения, воспринимаются как резко отклоняющиеся от этого метра. Поэтому, скажем, строка Тютчева *Встают и заходят оне* выглядит инородно на фоне 4-стопно-ямбического окружения, а строка Рылеева *Почто, почто в битве кровавой* так не выгля-

¹² Можно предложить достаточное условие для такого «двойного» укладывания. С каждым метром соотносится определенное «иктовое множество» номеров, т.е. множество номеров слогов-иктов: для ямба – четные числа, для хорей нечетные, для дактиля – {1, 4, 7, ...}, для амфибрахия – {2, 5, 8, ...}, для анапеста – {3, 6, 9, ...}. Для того чтобы некий текстовый фрагмент укладывался в одновременно в два метра, достаточно, чтобы множество номеров ударных слогов в нем вкладывалось в пересечение иктовых множеств этих метров.

¹³ В приводимых п-строках из «Молитвы» п-слова выделены.

дит – или же не столь явно инородна: первая строка укладывается в 3-стопный амфибрахий, а вторая не укладывается ни в какой 3-сложный размер.

Итак, выше было предложено формальное определение классических силлабо-тонических метров, которое позволяет изъять из общей совокупности мыслимых п-строк те строки, которые явным образом воспринимаются как инородные в их метрическом окружении. Тогда возникает естественный вопрос: все ли оставшиеся после такого изъятия строки воспринимаются как «гомогенные» их окружению, т.е. как квазиметрические? – Ответ, с точки зрения моего стихового чутья, отрицателен. Чтобы продемонстрировать это чутье, мне достаточно преобразовать те приведенные Шапиром примеры, в которых п-слова стоят не в начале строки, заменив их на словоформы с большим числом слогов. Так, п-строка Радищева *Исполни сердце твоим жаром мной* воспринимается как квазиямбическая на фоне 4-стопного ямба, а вот в искусственно видоизмененном виде – *Исполни дух молодым жаром* или *Исполнись немолодым жаром* – как чужеродная этому размеру. Аналогично для п-строки из «Молитвы» – «**Окружи** счастьем душу достойную»: при перемещении в ней первой словоформы вправо – «Счастьем **окружи** душу достойную» и «Счастьем душу **окружи** достойную» – квазиметричность ослабляется – последняя же строка уже полностью «выбивается» из 4-стопно-дактилического стереотипа. Разумеется, противопоставление гомогенности и чужеродности в этом смысле не бинарно, а представляет собой шкалу; именно такого рода шкалы и должна изучать «психопоэтика».

Покамест я не могу предложить четкую формальную экспликацию для выделения среди п-строк гомогенных квазиметрических¹⁴. Как убедительно показал Шапир относительно ямба, спектр подобных возможных отклонений от стереотипа весьма разнообразен. То нестрогое понимание ямба, которое Шапиром было предложено, пока не поддается формализации, о чем говорит он сам [Шапир: 51–52/885]. Плодотворность проведенного им анализа этого внешне ясного и простого понятия состоит в демонстрации необычайных трудностей его формальной экспликации, охватывающей как стереотипные ямбические строки, так и квазиямбические; покамест стиховедение таким формальным определением ямба (и силлабо-тонических метров вообще) не располагает. Предложенная выше формальная экспликация метров, возможно, несколько продвигает нас в понимании природы метрического стереотипа и степени отклонения от него, но не решает проблему полностью и окончательно – отчасти в силу необходимости проведения «психопоэтических» экспериментов. Идти же столь далеко, как М.И. Шапир, и утверждать принципиальную невозможность построения определения метров, полностью адекватного стиховой реальности, все же, по-видимому, не следует.

8. НАРУШЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ТОЧНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Отмечавшаяся в предшествующих разделах неточность гуманитарно-научного описания и моделирования была связана с самой сложнейшей природой изучаемых объектов, либо явно осознаваемой исследователями, либо вскрываемой в результате более скрупулезного исследования. Полагаю очевидным, что степень сложности объектов гуманитарных наук в общем и целом неизмеримо выше таковой в области естественно-научной.

В настоящем же разделе речь пойдет о научной неточности другого рода – об одном нарушении фундаментального принципа точности научного знания, которое касается положения дел в современной отечественной текстологии.

¹⁴ Возможно, шагом на пути к такой формализации было бы ограничение количества слогов в п-слове, стоящем не в начале строки и не сразу после цезуры.

Как было сказано в разделе 1, существенным компонентом содержания прилагательного *точный*, проявляющимся во всех его словарных значениях, является идея соответствия. В этом смысле приходится признать явной «неточностью» воспроизведение текстов, созданных и публиковавшихся ранее в одном режиме правописания, посредством другого, современного, режима.

Такая неточность иногда оправдывается тем, что язык воспроизводимого текста сильно отличается от языка, которым владеют читатели – адресаты воспроизведения; в таких случаях текст представляет собой не воспроизведение, а перевод исходного текста. Например, «Слово о полку Игореве» для массового читателя дается в переводе, а для филолога воспроизводится аутентично. Сложнее обстоит дело в том случае, когда язык текста настолько близок современному языку, что воспринимается нами без труда, как в случае произведений русской классической литературы XIX века.

Со времени второй реформы русской орфографии 1917–1918 г. такие произведения преимущественно издавались и издаются в новом режиме правописания. Следует признать правомерность такого режима для изданий, ориентированных на массового читателя, во всяком случае – на читателя, не озабоченного стремлением познать язык произведения во всех тонкостях. Однако в научном издании изменение режима правописания, т. е. переход на другую семиотическую систему воспроизведения текста, следует признать вопиющей филологической неточностью, вот уже 90 лет по-настоящему не осознаваемой в нашем филологическом сообществе и вообще в нашей культуре. И эта неточность совершенно не связана с тем, что текстологи пренебрегают какими-либо математическими знаниями или методами: думаю, причина здесь состоит просто в инерции, привычке и стремлении к удобству.

Подробная лингвистическая аргументация данного тезиса дана в моих работах [Перцов 2007; 2008]¹⁵, и здесь невозможно воспроизводить ее сколько-нибудь подробно. Отмечу лишь гораздо большую дифференцирующую силу старой русской орфографии, вследствие чего в ней различалась громадная совокупность написаний, ставших в современной орфографии омонимичными: 1) основы лексем, различавшиеся только буквами *е* и *ѣ* (*лечу* ~ *лѣчу*, *пеню* ~ *пѣню*, *сведение* ~ *свѣдѣние*); 2) существительные среднего рода ед. ч. в им./вин. с *-е* vs. в предл. пад. с *ѣ* (*вижу поле* ~ *гулялъ въ полѣ*); 3) прилагательные ед. ч. им./вин. пад. средн. р. с *-ее* vs. сравн. степени с *-ѣе* (*искреннее признание* ~ *его признание искреннѣе* [‘более искренно’], *чемъ твое*); 4) омофоны *миръ* ‘покой’ vs. *міръ* ‘вселенная’ (и их производные); 5) прилагательные мн. ч. женск. vs. мужск. / средн. рода (двойные *фонари* ~ *двойныя рамы / окна*); 6) родовые различия местоименных форм мн. ч. *они* ~ *онѣ*, *одни* ~ *однѣ*¹⁶; 7) различие между формами род. и вин. падежа местоимения 3-го лица жен. рода: *ея* ~ *ее* (*её*), *нея* ~ *не* (*неё*); перечень функционально нагруженных особенностей старой орфографии может быть продолжен. При этом в большинстве перечисленных рубрик мы имеем дело не с чистой омофонией, а с орфоэпическими различиями (пусть слабыми и неясными) – по крайней мере, для части идиолектов или для декламационно-ораторского стиля произношения, как свидетельствуют некоторые русские грамматики конца XVIII – первой половины XIX в. Аналогичная функциональная нагруженность наблюдается и в старинной пунктуации, которая была гораздо чувствительнее к интонационно-мелодической стороне речи, нежели современная. Сфера тогдашнего употребления для запятой, точки с запятой, двоеточия, тире лишь пересекается с современной: были весь-

¹⁵ В них я самым существенным образом опирался на текстологические исследования М.И. Шапира второй половины 1990-х–2000-х годов, в которых он ярко и убедительно обосновал тезис о функциональной нагруженности старого русского правописания – в основном на примерах из поэзии Пушкина – и изложил свою текстологическую программу (наиболее полная работа из этой серии – [Шапир 2002a]).

¹⁶ Первые формы были закреплены за мужским родом, вторые за женским; в отношении среднего рода примерно до 1830-х гг. были колебания, но затем за средним родом закрепилось «мужское» *они*.

ма необычные для нас, но функционально нагруженные применения этих знаков препинания, при этом отнюдь не хаотичные, как это силились представить иные текстологи и историки правописания.

Чем же кроме нарушения фундаментального принципа точности в науке можно назвать столь явное пренебрежение функциональной нагруженностью старого правописания при передаче классических литературных текстов в современных академических и прочих научных изданиях, которые по своему изначальному замыслу должны быть ориентированы на читателя-специалиста?

9. РАЗБОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЗИСОВ М.И. ШАПИРА

Теперь мне хотелось бы более подробно рассмотреть критику, которой А.В. Гладкий подверг статью М.И. Шапира. Увы, статья Гладкого продолжает несправедливую тенденцию недооценки и даже принижения, которым ученый подвергался при жизни. В одном месте статьи Гладкий говорит, что попытки Шапира обосновать один из его тезисов¹⁷ «производят тяжелое впечатление» [Гладкий 2007: 29 примеч. 16]. Я же должен сказать, что неточности относительно позиции и отдельных высказываний Шапира в статье Гладкого – при наличии в ней известной доли справедливой критики и нескольких сугубо уважительных высказываний по отношению к покойному ученому – производят на меня впечатление самое грустное.

У меня нет сомнения, что Шапир вполне адекватно воспринял бы критику и согласился бы с рядом замечаний оппонента, если бы статья Гладкого была опубликована при жизни Максима Ильича. Распространенное представление о Шапире как о человеке, нетерпимом ко всякой критике, глубоко ошибочно. Я сужу об этом и по собственным впечатлениям от 11-летнего дружеского общения с Шапиром, и по его ответам на многочисленные критические замечания в печати и публичных дискуссиях; так, отвечая своим критикам, он пишет о своей уверенности в том, что его теория стиха «окажется уязвимой и даже ошибочной, но ошибки в ней надо найти, а не просто от нее отмахнуться» [Шапир 2000: 89]. Несправедливым же нападкам ученый дал бы отпор гораздо успешнее, чем это сделаю я: известно блестящее полемическое мастерство Шапира, от которого его оппонентам зачастую приходилось совсем не сладко. Но это стало невозможным – из-за ранней трагической скоропостижной кончины выдающегося филолога¹⁸ и поздней публикации статьи Гладкого, первый вариант которой был закончен в мае 2006 г. [Гладкий 2007: 29 примеч. 14], еще при жизни Шапира. Теперь «отстаивать его правоту и защищать его идеи от критики» [Там же] предстоит мне, одному из последователей его филологических концепций. При этом отнюдь не во всем я с Шапиром соглашаюсь, о чем ему самому неоднократно говорил.

Я рассмотрю основные тезисы, выдвигаемые в первом разделе статьи Шапира (снабдив их номерами), и по каждому из них выскажу свое мнение, обсуждая при этом и реакцию на них Гладкого.

(Т1) «<...> “точные методы”, как правило, синоним математических» [Шапир: 44/876].

В таком облике этот тезис, разумеется, неточен: существуют точные методы, лишенные какого бы то ни было математического аппарата; «математичность» предпо-

¹⁷ Тезис (Т2) ниже, который и я оцениваю как ошибочный.

¹⁸ Это случилось 3 августа 2006 г. на отдыхе в Словении во время вечернего купания в альпийском озере вследствие сердечного приступа. М.И. Шапиру было всего 43 года (три недели оставалось до 44-х) – возраст, который для филолога часто означает время расцвета. О крупных достижениях Шапира на филологической ниве, о колоссальной прижизненной недооценке его вклада в науку и незаурядной личности ученого, о стремлении ее принизить, о несомненном будущем признании Шапира как классика филологии (видимо, еще очень нескором) здесь подробно говорить неуместно – все это отдельные научные и культурологические темы.

лагает «точность», но обратное не обязательно (как это демонстрируется выше в разделе 8). Однако все же трудно не признать того, что математика – это царица наук в отношении точности и строгости рассуждений. Станным образом ни Шапир, ни Гладкий, говоря о точных методах, не прибегают к словам «формализация», «формализованный», «формальный», а между тем соответствующее понятие было бы как нельзя более уместно в данном случае. В самом деле, относительно значения 3 слова «точный» из раздела 1 («конкретный и определенный, предельно полный и верный, не приблизительный, не общий») идеалом точности описания является его формализованность¹⁹. Вспомним, как трактуется понятие «формальный» в книге [Гладкий, Мельчук 1969: 9–10]: формальный – значит «логически последовательный + однозначный + абсолютно явный»; говорится о том, что описание, достигшее достаточно высокой степени формализованности, есть по существу математическое описание. Иными словами, формализованность (почти) приравнивается здесь к математичности. Точность (в значении 3) предполагает возможность формализации, а в большом числе случаев – построение строгой математической модели. Следует также учитывать, что в строгом смысле точные формальные доказательства возможны только тогда, когда утверждению придана математическая форма; поэтому понятие «доказательство» имеет разный статус в математике и в гуманитарных науках – см. [Зализняк 2000: 21]: «У гуманитария же вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Если слово «доказать» и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом смысле, чем в математике. Строгого определения для этого “доказательства в слабом смысле”, по-видимому, дать невозможно»²⁰.

Поэтому мне представляется, что слишком серьезного криминала в утверждении Шапира о преимущественно математическом характере точных методов усматривать не приходится. Ведь сорок лет назад сам Гладкий был близок к такому пониманию точного, как показывает обрисованная выше трактовка понятия «формальный» в его совместной с Мельчуком монографии.

(Т2) Для избранной темы «гораздо важнее такое понимание, которое базируется не на “периферийных” областях математики, освоенных в последнее время, а на ее истинном предмете, каковым, без сомнения, является число» [Шапир: 44/877].

Шапир говорит, что для обсуждения темы точности в гуманитарных науках для него наиболее важны квантитативные области математики. Здесь, разумеется, ему можно вполне резонно возразить, как делает Гладкий, что не следует сбрасывать со счетов и другие ее области, особенно активно развивавшиеся в последние десятилетия и обнаружившие некоторую эффективность в применении к гуманитарной области. Однако позиция Шапира не столь уж безнадежно слаба и в этом аспекте: она может быть поддержана указанием на то, что сам он в своей филологической деятельности в основном опирался на квантитативные методы, а поэтому для суждений об эффективности точных методов в гуманитарных науках он и привлекает квантитативные данные.

¹⁹ Не так обстоит дело относительно значения 1 этого слова («соответствие действительности»): наука располагает примерами строго формальных, но при этом далеких от реальности построений (как это было в отечественной лингвистике в период «бури и натиска» 1960–1970-х гг.).

²⁰ Тем самым «доказать» в гуманитарных науках примерно синонимично выражению «убедительно обосновать». Вследствие такой неоднозначности слова «доказать» мне представляется нежелательным его употребление (а также производного слова «доказательство») при обсуждении филологических проблем – лучше использовать другие слова: «обосновать», «аргументировать», «подтвердить» или другие близкие по смыслу. Поэтому мне странно читать в статье математика Гладкого следующие слова относительно «ошибочности» «итогового тезиса» Шапира (о неосуществимости «математизированной теории текста как такового» – тезис (Т6) ниже): «<...> я попытаюсь это доказать» [Гладкий 2007: 32].

Существенно в данной связи принять во внимание то обстоятельство, что в самой обсуждаемой статье Шапир – вопреки заявлениям в первом разделе о его самоограничении квантитативными методами – далее расширяет диапазон методов и проводит четкий анализ филологического понятия на примере строгого формального определения ямба, демонстрируя затем его неадекватность (это было показано выше, в разделе 7). Удивительно, что Гладкий не обратил внимания на эту противоречивость в построениях Шапира – на мой взгляд, весьма плодотворную в данном конкретном случае, ибо, как показывают последующие разделы статьи Шапира, в своей реальной работе филолога-практика он оказывается отнюдь не замкнут оковами квантитативных методов, а пытается выяснить возможности строго формального определения понятий филологии в духе построения аксиоматических систем, как это принято в математике.

Грустно читать замечание Гладкого относительно попыток Шапира обосновать тезис (Т2): говоря о том, что при этом Шапир опирается на энциклопедические статьи [Колмогоров 1954; Александров 1964], Гладкий упрекает его едва ли не в научных махинациях: «Чтобы извлечь из них, хотя бы с натяжкой, подтверждение своего тезиса, он тщательно подбирает, комбинирует и препарирует цитаты, оставляя без внимания многочисленные и обширные (особенно в статье А.Д. Александрова) разъяснения, которые любого непредубежденного читателя привели бы к выводу о его несостоятельности» [Гладкий 2007: 29 примеч. 16]. В тщательном подборе и комбинировании цитат я не вижу ничего плохого – это обычный способ действий пишущего ученого; а вот их «препарирование», если под ним понимать урезание фраз оригинала с опущением существенных деталей, и «оставление без внимания» существенных разъяснений действительно подлежат осуждению. Но ни того ни другого у Шапира нет: в том абзаце [Шапир: 44–45/876–877], где он дважды ссылается на статью А.Н. Колмогорова – в виде цитаты и в виде лаконичного пересказа – и дважды цитирует А.Д. Александрова, все соответствующие пассажи, хотя и не представляют собой полных фраз, взятых из оригиналов, отнюдь не упускают для обсуждаемой темы ничего существенного, что становится ясным при внимательном сопоставлении их с оригиналами; сжатая же формулировка утверждения о главенствующей роли математической статистики в гуманитарном знании четко передает соответствующий фрагмент из статьи Колмогорова и никак его не «препарирует»²¹. В обеих энциклопедических статьях разъяснения относительно неполной сводимости математики к «количественным отношениями и пространственным формам» никоим образом нельзя квалифицировать как «многочисленные и обширные»; но и этот аспект Шапиром отнюдь не упущен: он адекватно, с присущей ему пунктуальностью, с расшифровкой сокращений, цитирует часть фразы из начала статьи Александрова, четко указывающую именно на это.

(Т3) «<...> гуманитарные науки – это науки о культуре, прежде всего о культуре духовной и ее субституциях в быту» [Шапир: 45/877].

(Т4) «<...> основной предмет филологии, текст (который, по сути, есть ставшая и застывшая речь), служит не только главным источником гуманитарного знания, но также и главным его объектом – остальные мыслятся по аналогии» [Шапир: 45/878].

²¹ «Существенным остается значение М.<математики> для социальных дисциплин (как и для биол. наук) в форме подсобной науки – математич. статистики. В окончательном же анализе социальных явлений моменты качественного своеобразия каждого историч. этапа приобретают столь доминирующее положение, что математич. метод отступает на задний план» [Колмогоров 1954: 465]. Разумеется, это положение Колмогорова для современной науки неверно; однако говорить о «препарировании» Шапиром его текста невозможно.

Гладкий, усматривая в тезисе (Т4) «фундаментальную методологическую ошибку», оспаривает его весьма странным образом: «<...> при всем уважении к текстологии невозможно отрицать, что главный объект гуманитарных наук – жизнь человеческого духа, а не застывшие продукты его работы» [Гладкий 2007: 31]. Во-первых, текстология привлечена здесь совсем не по делу; видимо, Гладкий просто отождествляет текстологию с широким понятием «изучение текста», что являет собой пример явной терминологической неточности: текстология как отрасль филологии, занимающаяся установлением аутентичных текстов произведений письменности и вариантов этих текстов, представляет собой видовое понятие по отношению к изучению текста. Во-вторых, утверждение, содержащееся в только что приведенной цитате из Гладкого, очевидным образом перекликается с тезисом (Т3), даваемым Шапиром в абзаце, предшествующем абзацу с оспариваемым тезисом (Т4): Шапир говорит о «духовной культуре», а Гладкий – о «жизни человеческого духа», что, по моему разумению, практически одно и то же. Совершенно непостижимым образом Гладкий этого не замечает – еще один пример из серии неточностей в статье Гладкого.

Итак, в отношении тезиса (Т3) у обоих ученых нет расхождений; обратимся к (Т4). Здесь для разъяснения позиции Шапира уместно привести обширную цитату из начала статьи [Шапир 2002б: 56]:

В гуманитарных науках, или науках о культуре (что, вообще говоря, одно и то же), *филология* занимает особое, только ей присущее место. По мысли Г. Узенера, ее роль в системе гуманитарного знания во многом сравнима с той ролью, какую математика выполняет по отношению наукам естественным <...>.

Объясняется это даже не тем, что «слово есть архетип культуры» <...>: как писал, развивая эту идею, Г.О. Винокур, «язык <...> понимается не только как один из знаков наряду с другими, но также как **к** **з** **н** **а** **к** **в** **о** **о** **б** **щ** **е**, как некоторый принцип всякого смыслового выражения <...>. Все другие формы культурного выражения представляют собой известную **а** **н** **а** **л** **о** **г** **и** **ю** словесному знаку» (из неопубликованной статьи «Основные вопросы стилистики», конец 1930 – начало 1940-х годов; <...>). Если оставить в стороне терминологическую уязвимость формулировок, с самой идеей можно согласиться или хотя бы принять ее в качестве рабочей гипотезы. Но чтобы обосновать фундаментальное значение филологии для наук о культуре, не обязательно к этой гипотезе прибегать, а тем более ее всесторонне аргументировать. Для наших целей достаточно сослаться на то, что словесные тексты суть предмет изучения и источник знания в любой гуманитарной науке, а в большинстве из них это источник основной либо единственный <...>. Кроме того, в своем составе текст может иметь несловесные компоненты, например рисунки, нотные знаки или математические формулы; с другой стороны, словесный текст легко становится неотъемлемой частью несловесных (или не чисто словесных) произведений культуры: живописных, скульптурных, архитектурных, театральных и т.д. А так как навыкам критики и интерпретации текстов учит нас именно филология, ее методологическая роль в системе наук о культуре оказывается очевидной.

К этой исчерпывающей цитате добавлю немного. Выдвижение исследования естественно-языковых текстов (как в письменной, так и в устной манифестации) на главенствующее место в гуманитарном знании мне представляется совершенно справедливым. В самом деле, именно такое положение занимает естественный язык среди всех остальных семиотических систем: он способен интерпретировать и развернуто излагать любую из них, как и любой смысл, выражаемый в произвольной семиотической системе; обратное же очевидным образом неверно. Точно так же среди всех продуктов духовной культуры и знакового поведения человека естественно-языковые тексты занимают явно привилегированное положение: они способны к гораздо более полной интерпретации по отношению к продуктам других систем – музыки, скульптуры, живописи и др., чем эти последние по отношению к текстам на естественном языке. Универсальная роль естественного языка в семиотике очевидна и бесспорна; полагаю, что столь же универсален статус естественно-языковых текстов среди других продуктов духовной семиотической деятельности человека.

(Т5) «<...> внедрение точных методов в поэтику плодотворно исключительно тогда, когда математизация – не самоцель, а только средство решения ясно сформулированной филологической задачи <...>» [Шапир: 46/879].

Относительно необходимости постановки точной филологической задачи для применения строгих математических методов у Гладкого нет расхождений с Шапиром. Тем страннее выглядит уже упоминавшийся выше в разделе 7 пассаж из статьи Гладкого [2007: 36] – с упреком Шапиру за неумение «выбраться из путаницы ямбов и хореев», подобно учебникам времен Иннокентия Анненского, и с назиданием по поводу подсчетов, которые «<...> не имеют смысла, если не определено точно, что нужно считать».

Несправедливость упрека Гладкого относительно «путаницы» была продемонстрирована выше в разделе 7, в «Отступлении». Что же касается его назидания, он выглядит просто следствием тезиса (Т5), и это становится особенно явным, если прочитать более полную цитату из [Шапир 2006: 879], обратив при этом внимание на подчеркнутый мной фрагмент в приводимой Шапиром цитате из Ярхо:

<...> внедрение точных методов в поэтику плодотворно исключительно тогда, когда математизация – не самоцель, а только средство решения ясно сформулированной филологической задачи (и нередко для этого хватает самого тривиального математического аппарата). Об этом прекрасно сказал Ярхо: «<...> статистический метод всегда будет только подсобным при сравнительном. Самостоятельного существования он не имеет <...> никакое применение статистики невозможно без морфологического анализа: перед тем как подсчитывать, надо знать, что подсчитываешь. Ни один математический акт не должен совершаться, пока в него не будет вложен конкретный литературоведческий смысл». / Итак, стать научным или, напротив, обнаружить свою фантомность собственно статистический факт способен только при свете филологии <...>.

Однако Гладкий словно бы не замечает ни тех двух обстоятельств, о которых сказано выше в «Отступлении» раздела 7, ни приведенной цитаты из [Шапир 2006]²².

(Т6) «При всех колоссальных перспективах, которые открываются перед точными методами в науках о культуре, математика в гуманитарной теории неприменима (или почти неприменима): ее уделом остаются высказывания исторического характера. <...> точные методы в гуманитарной сфере позволяют сказать лишь о том, что бывает, а точные методы в сфере естественных наук – еще и том, чего быть не может» [Шапир: 47/880].

Мне представляется неоправданным то ограничение, которое накладывает Шапир на гуманитарную теорию, говоря, что ей в удел остаются только высказывания исторического характера, т.е. «строго экзистенциальные» высказывания («высказывания о существовании»); здесь я склонен в гораздо большей степени, чем по поводу других тезисов, сочувствовать критике Гладкого. «Строго универсальные» высказывания теоретического характера в гуманитарной сфере тоже возможны: достаточно вспом-

²² К сожалению, Гладкий, упоминая (на с. 31 в сн. 19) публикацию [Шапир 2006], почти во всех цитатах ссылается на [Шапир 2005]; между тем в последнюю по времени публикацию Шапир внес локальные изменения, и некоторые из них существенны. Надо сказать, что помимо неточностей существенных, в статье Гладкого встречаются и мелкие. Так, иногда он неточен в цитировании Шапира: трижды (на с. 29, 31 и 32) отклоняется от текста оригинала (убраны кавычки, опущены или переставлены слова); один раз (на с. 32) контаминирует цитату по двум публикациям статьи; однажды (на с. 34) последнюю фразу из Шапировского примечания 10 дает по [Шапир 2006: 897], хотя ссылается на [Шапир 2005: 47]. В одном месте (с. 32, сн. 21) Гладкий говорит почему-то об отсутствии заголовка «Заключение» в последнем разделе публикации [Шапир 2005] – при том что в ней он там благополучно присутствует на с. 59.

нить языковые универсалии в лингвистике (утверждения об общих свойствах всех естественных языков, о возможном количестве фонем в языке, об имплицативных отношениях в сфере фонологии, морфологии, синтаксисе и др.). Напрасно Шапир (почти) лишает математику права на построение общей теории в гуманитарной науке. Строить такие теории вполне возможно – и при этом можно достигать отдельных отнюдь не тривиальных результатов, однако все же следует четко осознавать существенно бóльшую ограниченность применения математики в гуманитарной сфере, нежели в естественной. Поэтому и в данном случае я вижу в утверждениях Шапира некоторое рациональное зерно, и его пессимизм мне ближе, нежели безоглядный оптимизм Гладкого. Рациональное зерно у Шапира состоит в следующем: математика в гуманитарной теории в гораздо меньшей степени, нежели в естественно-научной, способна моделировать описываемую реальность. Это связано именно с тем, что объекты гуманитарных наук представляют собой продукты внутреннего мира человека и самым существенным образом зависят от этого внутреннего мира. Наблюдая факты природы, человек внеположен по отношению к ним – природа существует и вне человека; наблюдая же свой внутренний мир и его продукты, человек в ходе самого наблюдения может влиять на них в гораздо большей степени, нежели на внеположные объекты природы; внутренний мир человека от него неотделим.

В связи с тезисом (Т6) встает вопрос о соотношении законов, действующих в гуманитарной и естественной сфере. Как ясно из предыдущего абзаца, я расхожусь с Шапиром и солидарен с Гладким в характеристике логического статуса высказываний, формулирующих законы: и к той, и к другой сфере применимы как универсальные, так и экзистенциальные высказывания²³. Однако в признании специфичности законов той и другой сферы я расхожусь с Гладким и солидарен с Шапиром; при этом суть специфичности гуманитарных законов я усматриваю не в их экзистенциальном логическом статусе, а в самой специфичной онтологии гуманитарных объектов, которая, впрочем, у Шапира освещена весьма обстоятельно. Выше об онтологической идеальности объектов внутреннего мира человека говорилось много, нет нужды это повторять. Из такого кардинального онтологического различия объектов гуманитарных и естественных наук вытекает непреложный вывод о том, что определенные законы той и другой сферы обладают своей спецификой. Поэтому мне представляется совершенно неприемлемым в методологическом отношении оптимистический тезис Гладкого, высказываемый в конце его статьи: «<...> законы природы и законы, действующие в гуманитарной сфере, ни в чем существенном не отличаются друг от друга <...>» [Гладкий 2007: 35]. Коли было бы это верно, перед филологией как отраслью гуманитарного знания не вставали бы те очерченные в разделах 3–7 колоссальные сложности, которые неведомы естественно-научному знанию.

Для опровержения процитированного тезиса Гладкого достаточно просто сослаться на противопоставление идеального и материального, о чем уже говорилось в разделе 2; там же было сказано о том, что для гуманитарных и естественных наук существуют общие логические и философские законы. Но наличие общих законов не означает отсутствия специфических, а таковые имеются и у естественных наук, и у гуманитарных (причем у каждой свои) – в силу подробно обсужденной выше специфики человеческого духа и его продуктов.

10. ПРОЧИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СТАТЬЕ А.В. ГЛАДКОГО

В настоящем разделе собраны прочие замечания и соображения, возникшие у меня в связи со статьей А.В. Гладкого.

²³ Относительно экзистенциальных высказываний Гладкий – вслед за К. Поппером – говорит, что они «выражают не законы, а тенденции» [Гладкий 2007: 35], но в рамках настоящего обсуждения мне это несущественно.

10.1. Гладкий считает статью Шапира попыткой «вернуть науку о языке к давно пройденному пути», он говорит, что она написана «с целью доказать, что точные методы в гуманитарных исследованиях не могут дать значимых результатов» [Гладкий 2007: 29]. Читателю должно было стать ясно из тезиса (Т6) и его разбора в разделе 9, что Шапир ограничивает применение математики в филологии областью «высказываний исторического характера» и полагает ее «(почти) неприменимой» в гуманитарной теории [Шапир: 47/880]²⁴, но он никоим образом не отрицает ее полезности в гуманитарных науках, говоря о «колоссальных перспективах, которые открываются перед точными методами в науках о культуре» [Шапир: 47/880]; последний абзац своей статьи Шапир начинает словами: «Изучение текстов точными методами нужно всячески приветствовать <...>» [Шапир: 59/895] (этот абзац, кстати, полностью процитирован у Гладкого на с. 32). Более того, на протяжении тех разделов своей статьи (2–4), в которых разбираются конкретные филологические проблемы, Шапир как раз и демонстрирует ту установку на «уточнение понятий и методов», то стремление к «четкому, не допускающему различных толкований определению понятий» (см., например, его анализ понятия «ямб», рассмотренный в разделе 7) и ту «строгую дисциплину мысли», которые его оппонент справедливо считает, во-первых, «самым важным результатом “встречи лингвистики и математики”», во-вторых, характерными для работ А.А. Зализняка, в-третьих, вообще «главным признаком точности в научном исследовании» [Гладкий 2007: 24–26, 29]. Все это вообще свойственно научному творчеству Шапира в редкой для филолога концентрации, но из его работ Гладкий, по-видимому, был знаком только с критикуемой статьей, когда писал свою.

10.2. Стремясь обосновать свое мнение о логической небезупречности проведенного Шапиром анализа количественных методов в теории стиха и его умозаключений, приведших его к выводу об их неадекватности, Гладкий пишет: «<...> вся его <Шапира> критика сосредоточена на трех “теориях”, одна из которых приписана А.Н. Колмогорову и две – Б.И. Ярхо, причем “теория Колмогорова” “ради уточнения” подправлена, а об одной из теорий Ярхо говорится, что она “нигде не была заявлена”, но “вычитывается” из трудов Ярхо» [Гладкий 2007: 31]. От пяти пар кавычек в этой короткой фразе просто рябит в глазах, и это действительно настораживает! Однако из них только две пары заключают собственно Шапировские слова (и то ссылок на страницы нет). Шапир разбирает не «теорию Колмогорова» (такого словосочетания у него нет), а его формальное определение 4-стопного ямба; он не «подправляет» это определение «ради уточнения», а вместо громоздкой формулировки Колмогорова предлагает очевидным образом «равнозначную, но более прозрачную» [Шапир: 48/881] – и гораздо более компактную и изящную, т.е. речь идет не об уточнении определения, а об эквивалентной содержательной замене его формулировки. Что касается Ярхо, то в разделе 3, действительно, Шапир убедительно демонстрирует неадекватность «прескриптивной теории стиха» Б.И. Ярхо, «устанавливающей между стихом и прозой пятидесятипроцентный порог ритмичности» [Шапир: 52–53/885–887]; однако в следующем, четвертом, разделе статьи Шапир говорит не о «теории Ярхо» (эти кавычки принадлежат Гладкому [2007: 31]), а о методологической установке Ярхо, состоящей в отодвигании в поэтике чистой теории на задний план, и вот по поводу этой установки Шапир действительно замечает: «Прямо эта гносеологическая программа нигде не была заявлена, но она вычитывается из “Методологии точного литературоведения” и других основополагающих трудов Ярхо» [Шапир: 55/889–890]. После этого на трех страницах эта программа анализируется и отчасти критикуется – с цитатами из опубликованных работ Ярхо и из архивных источников. Если учесть еще и колос-

²⁴ О неправомерности столь ригористического отношения к математике в гуманитарной сфере и необходимости его разумного ослабления я говорил при разборе указанного тезиса, указывая при этом на его рациональное зерно.

сальный 20-летний труд Шапира по изучению и изданию наследия Ярхо, то проведенному Шапиром извлечению из трудов последнего упомянутой программы можно придать статус научного факта.

Все это говорит о том, что иронический тон Гладкого в приведенной выше обильной кавычками цитате совершенно неуместен. Продолжу цитату: «Ничем не мотивировано утверждение (совершенно неправдоподобное), что Колмогоров не обращал внимания на контекст и интенцию» [Гладкий 2007: 31]. Обратимся к статье Шапира. Приведя примеры метрически двойственных строк у Пастернака и Пушкина, он заключает: «Итак, в определении метра на законных основаниях участвуют контекст и интенция, о которых у Колмогорова ни слова» [Шапир: 49/882]. Ясно, что Шапир говорит не о пренебрежении у Колмогорова вообще контекстом и интенцией, а об отсутствии упоминания этих факторов в его определении 4-стопного ямба! Тем самым в приведенной цитате Гладкий частное выдает за общее.

10.3. Гладкий сокрушается по поводу «недостаточного знакомства лингвистов с математикой» [Гладкий 2007: 27]: лингвисты слабо владеют математическим аппаратом и уделяют математике недостаточное внимание. В качестве объекта для подражания и развития указывается работа Б.В. Сухотина [1978], предложившего использовать аппарат тензорного исчисления для моделирования естественного языка [Гладкий 2007: 26]; тот факт, что «никто не продолжил его <Сухотина> исследования и не занялся проверкой его гипотез», Гладкий объясняет исключительно «нашей инертностью» [Там же: 37]. У меня другое объяснение сдержанного отношения лингвистов к математическому аппарату вообще, и конкретно к упомянутой статье Б.В. Сухотина. Период «бури и натиска» с конца 1950-х по конец 1970-х годов, когда математический аппарат был частым гостем в лингвистических исследованиях²⁵, принес плоды весьма скромные в сопоставлении с тем, что ожидалось от «встречи лингвистики и математики» [Гладкий 2007: 24]²⁶. Человеку же свойственно браться за овладение какими-либо новыми знаниями, умениями, навыками (каковым выглядит изучение сложного математического аппарата для лингвиста) только тогда, когда он видит достаточно ясные перспективы, которые ему сулит их приобретение. Таких перспектив упомянутый период «бури и натиска» не обнаружил; весьма смутными предстают они и в упомянутой статье Б.В. Сухотина, где очень сложно, пространно, непопулярно, без достаточно ясных иллюстраций, на 25 страницах излагается теория тензорного исчисления, крайне неубедительно выглядят эскизные примеры применения соответствующего аппарата для моделирования некоторых лингвистических понятий (сказуемое, наречие, падеж, предлог, причастие, ...) и очень скупы языковые примеры. Что же касается самой статьи Гладкого, то в ней имеются указания на предшествующие опыты применения математики и других точных методов в лингвистике, содержатся призывы к лингвистам усердно заниматься математикой, но отсутствуют какие-либо конкретные научные построения (с разбором языковых примеров), демонстрирующие эффективность того или иного математического аппарата для лингвистики. Почему бы, в самом деле, на трех-пяти страницах не показать – хотя бы «на пальцах», почему тензорное исчисление в духе Сухотина может быть нам, лингвистам, полезно? Это было бы гораздо эффективнее, чем просто провозглашать сугубую полезность математики. Но просто

²⁵ Достаточно полистать многие тогдашние лингвистические сборники, пестрящие формулами, таблицами, диаграммами, – в частности тот сборник, где опубликована статья Б.В. Сухотина.

²⁶ Невыполненным обещаниям лингвистики и общим проблемам семантики и компьютерной лингвистики была посвящена моя большая статья [Перцов 1996б], в которой утверждалось серьезное отставание лингвистики от естественных наук в отношении компьютерного моделирования объекта исследования. По моему разумению, спустя 12 лет в этом плане многое изменилось.

призывать к чему-либо гораздо легче, чем конкретно демонстрировать эффективность того, к чему призываете.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К каким же общим выводам можно прийти на основе предшествующего изложения?

Объекты, составляющие предмет гуманитарных наук, имеют гораздо более неопределенный характер, чем объекты наук естественных: первые входят во внутренний мир человека или существенно определяются этим внутренним миром; вторые ему внеположны. В связи с разной степенью определенности и заданности разнятся и степень точности описания и моделирования (воспроизведения) объектов изучения в гуманитарных и естественных науках. Математизированная теория дает гораздо более точные результаты в естественных науках, нежели в гуманитарных.

Это не означает бесперспективности попыток построения формальных определений и математизированной теории в гуманитарной области (здесь я несколько расхожусь с М.И. Шапиром) – следует лишь отдавать себе отчет в том, что конструкты и утверждения такой теории отстоят от описываемой реальности гораздо больше, чем в естественно-научной области. В последней во многих случаях математизированность теории – это неременное условие адекватного научного описания; в гуманитарной же области теория не может сводиться к математическим (или просто к формальным) построениям – необходим строжайший контроль адекватности теоретических конструктов описываемой реальности.

Хотя в отрицании возможности адекватного построения математических моделей в гуманитарной теории я с М.И. Шапиром расхожусь, его скептицизм и сдержанность в отношении таких моделей мне близки: их данные значительно менее точны и надежны в гуманитарной области, чем в естественной – в силу существенного различия онтологической природы объектов этих двух областей человеческого знания. Пожалуй, не нужно именовать это онтологическое различие «пропастью между гуманитарными и естественными науками» [Шапир: 59/895] (что сильно ранит Гладкого), однако и нивелировать его так, как это делает в своих полемических устремлениях А.В. Гладкий, тоже не следует. Поэтому его обращенный к лингвистам призыв заняться математикой и усердно искать в ней средства для построения математизированных лингвистических моделей я воспринимаю со сдержанным скептицизмом – и со своей стороны призываю тех математиков, которых интересует филология, заняться гуманитарной проблематикой и совместно с гуманитарными собратьями постараться сделать нашу науку более точной – при всей очевидной недостижимости того уровня точности, который свойствен естественно-научному знанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 1964 – А.[Д.] Александров. Математика // *Философская энциклопедия*. М., 1964. [Т.] 3: Коммунизм – Наука.
- Апресян 2001 – Ю.Д. Апресян. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // *Русск. яз. в научн. освещении*. 2001. № 1.
- Гаспаров 1984 – М.Л. Гаспаров. Еще раз о спорах о русской силлаботонике // *Проблемы теории стиха*. Л., 1984.
- Гладкий 2007 – А.В. Гладкий. О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // *ВЯ*. 2007. № 5.
- Гладкий, Мельчук 1969 – А.В. Гладкий, И.А. Мельчук. *Элементы математической лингвистики*. М., 1969.
- Добровольский 2007 – Д.О. Добровольский. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // *ВЯ*. 2007. № 5.
- Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях I // *Проблемы грамматического моделирования*. М., 1973.

- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977 (Последнее 4-е изд., испр. и доп. – 2003).
- Зализняк 2000 – А.А. Зализняк. Лингвистика по А.Т. Фоменко // История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000.
- Колмогоров 1954 – А.Н. Колмогоров. Математика // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1954. Т. 26: Магнитка – Медуза.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. (Пер. с франц.) М.; Вена, 1997.
- Перцов 1996а – Н.В. Перцов. Элемент ка- в русском языке: словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
- Перцов 1996б – Н.В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Перцов 2003 – Н.В. Перцов. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // ВЯ. 2003. № 4.
- Перцов 2006а – Н.В. Перцов. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русск. яз. в научн. освещении. 2006. № 1(11).
- Перцов 2006б – Н.В. Перцов. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006.
- Перцов 2007 – Н.В. Перцов. Поэзия орфографии и орфография поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Мат-лы междунар. научн. конф. (Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.). М., 2007.
- Перцов 2008 – Н.В. Перцов. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // ВЯ. 2008. № 2.
- Сухотин 1978 – Б.В. Сухотин. Основные проблемы грамматики и семантики в тензорном исчислении // Проблемы структурной лингвистики 1976. М., 1978.
- СЯП – Словарь языка Пушкина. Т. 2: З–Н. М., 1957.
- Труб 2006 – В.М. Труб. О возможном подходе к семантическому описанию частей тела // Московский лингвистический журнал. 2006. Т. 8. № 1.
- Шапир 2000 – М.И. Шапир. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2000. Кн. 1.
- Шапир 2001 – М.И. Шапир. Язык этики или этика языка? О деонтологии науки // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
- Шапир 2002а – М.И. Шапир. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // ИАН СЛЯ. Т. 61. 2002. № 3.
- Шапир 2002б – М.И. Шапир. Филология как фундамент гуманитарного знания: Об основных направлениях исследований по теоретической и прикладной филологии // Антропология культуры. Вып. 1. М., 2002.
- Шапир 2005 – М.И. Шапир. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // ВЯ. 2005. № 1.
- Шапир 2006 – М.И. Шапир. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения... М., 2006.
- ЯКМСЛ – Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Ярхо 2006 – Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории литературы / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков и М.И. Шапир; под общей ред. М.И. Шапира. М., 2006.